

А. В. Симонова

ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1861 — 1917): СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Одним из институтов, созданных в ходе реформы 19 февраля 1861 г., был *волостной суд*. Во многом он отвечал требованиям крестьян, находившихся в ситуации правовой обособленности. Предполагалось, что введение волостных судов будет носить временный характер, но они сохранились вплоть до февраля 1917 г. Во многом благодаря введению этих органов самоуправления основная масса населения не только Пермской губернии, но и Российской империи в целом получила возможность разбирать свои тяжбы на основе закона.

Роль волостных судов до сих пор изучалась в рамках анализа крестьянского самоуправления. Это наложило свой отпечаток. Волостные суды рассматривались попутно с вопросами функционирования обычного права¹. Наиболее интересные работы по этой теме были созданы в конце XIX — начале XX в. земскими деятелями И. Скалозубовым и Д. Бобылевым². Среди современных исследований, в которых затрагивались проблемы функционирования волостных судов, хотелось бы отметить коллективную монографию Е. Ю. Апкаримовой, С. В. Голиковой, Н. А. Миненко и И. В. Побережникова³. Авторы рассмотрели структуру и деятельность органов сельского, городского самоуправления и его организацию у народов Урала. Несомненным достоинством книги являются привлечение документов нескольких уральских архивов и различных статистических данных. С точки зрения изученности проблемы наибольший интерес вызывает характеристика социального состава волостного суда, оценка его роли и места в составе органов крестьянского самоуправления. Анализ этих вопросов требует привлечения широкого круга источников, причем не только законодательного характера, но и тех документов, которые позволяют «изнутри» осветить деятельность этого органа. Среди них особое место занимают приговоры волостных судов — массовые источники, в которых фиксировались в краткой форме решения по судебным делам⁴. Большой интерес представляют также мемуары и заметки пермских писарей М. Беззубова и К. С. Рахилевича⁵. В совокупности эти источники

позволяют воссоздать достаточно полную картину структуры и функционирования волостных судов.

В состав волостного суда, согласно Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости⁶, входили судьи и писарь. Временные правила о волостном суде от 12 июля 1889 г.⁷ более точно определяли должностных лиц, работавших в данном органе крестьянского управления: «... 1) председатель, он же и судья, 2) волостные судьи и 3) кандидаты к ним. В волостном суде должно быть четверо судей; председателем уездный съезд назначает одного из этих судей или волостного старшину»⁸. Он должен был собираться не менее двух раз в месяц, через каждые две недели по воскресеньям, праздничным или по другим дням или чаще⁹.

В компетенции волостного суда согласно Общему положению находились такие дела, как споры между крестьянами волости до 100 рублей, маловажные проступки, преступления, совершенные на территории волости. Он мог приговорить к общественным работам на срок до 6 дней, денежному штрафу до 3 рублей, аресту до 7 дней или даже телесному наказанию розгами до 20 ударов¹⁰. Кроме того, в волостном суде могли разбираться дела отставных и запасных нижних воинских чинов и торговцев из крестьян, а также мещан, посадских и цеховых ремесленников, если они постоянно проживали в сельской местности¹¹. После введения института земских начальников компетенция данного органа была несколько расширена: он стал рассматривать иски до 300 рублей¹².

Разбирательство дела в волостном суде начиналось с подачи жалобы истца, его родителей, должностного лица общины. Как правило, суд стремился к мирному решению вопроса, т. е. сводил разбирательство к компромиссу сторон. Волостной суд понимался как суд «по совести», делающий упор на добровольное примирение сторон¹³. Интересно, что во всех приговорах волостного суда Смолинского общества Шадринского уезда Пермской губернии за 1879 г. встречается следующее выражение: «...107 ст. Общего положения о крестьянах объявлена, и по объявлению оной добровольного примирения не последовало»¹⁴.

На суд приглашали свидетелей, в среднем их насчитывалось по два и более для каждой стороны. Их опрашивали и предъявляли улики, если таковые имели место. Например, при обвинении в краже овечьего тулупа свидетели со стороны истца, носившие этот тулуп, на суде его примеряли, с тем чтобы узнать украденную вещь, перешивал ли ее ответчик¹⁵.

Решение волостного суда могло быть пересмотрено при подаче письменной жалобы в течение 30 дней мировому посреднику. По Положению о земском участковом начальнике 1889 г. земский начальник стал давать разрешение на приведение приговоров в исполнение, он также мог отменить приговор из-за несоответствия требованиям законов или по

жалобе крестьян. Временные правила о волостном суде 1889 г. волостные суды передавали под контроль земским начальникам; в случае спорных вопросов дела должны были рассматриваться на основе обычаев, характерных для данной местности¹⁶.

Иногда дела передавались в волостной суд из вышестоящих учреждений. Скорее всего, последним не хотелось рассматривать крестьянские тяжбы из-за отсутствия прямых доказательств либо маловажности проступка, т. к. предметами большинства дел, как правило, становились драки, вредительство, мелкие кражи.

Если стороны не соглашались решить дело мирно, то суд выносил решение. Интересно отметить, что судьи ссылались на законы, которыми они руководствовались при принятии решения, их конкретные статьи: «Общее положение...», «Сельский судебный устав», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», «Временные правила о волостном суде...» и пр. Наказания варьировались в зависимости от проступка, пола обвиняемого (в 1863 гг. запретили применять телесные наказания в отношении женщин), доказательств. Например, Матвея Сафронова Котлова и его жену приговорил за нанесенное оскорбление их односельцу Николу Григорьеву Квашнину: Матвея — к 10 ударам розг, а его жену — к 7 дням ареста при волостном правлении¹⁷.

По Общему положению о крестьянах не могли быть приговорены к телесному наказанию престарелые, волостные должностные лица, в частности волостной старшина, крестьяне, закончившие уездные училища, высшие учебные заведения¹⁸. Так, например, государственного крестьянина Беляковского общества Никифора Антонова Метлева, 62 лет, за кражу зеркала у шадринского мещанина Григория Иванова Жуева сначала суд хотел приговорить к наказанию розгами, но из-за почтенного возраста его приговорили к 7 суткам ареста в арестантской при волостном правлении¹⁹.

Согласно статье 113 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, волостные и сельские писари, так же как и ряд других должностных лиц (смотрители магазинов, богоугодных и общественных заведений, лесные и полевые сторожа), назначались по выбору или по найму. Кроме того, статья 115 устанавливала своеобразный ценз, а именно: писарями «не могут быть назначаемы лица, исключенные из службы, либо опороченные по суду, либо стоящие перед судом и следствием и вообще заведомо развратного поведения». Таким образом, на эту должность в крестьянском самоуправлении занимали избранные или нанятые «посторонние лица хорошего поведения»²⁰.

Интересно отметить, что ряд статей этого же нормативного документа более подробно касался других должностных лиц. Например, статья 114 четко определяла условия для избрания волостного старшины, сель-

ских старост, помощников старшины, сборщиков податей, заседателей волостных правлений, судей волостных судов. Ими не могли стать: «1) лица моложе 25-ти лет, 2) люди, телесно наказанные по суду или оставленные судом в подозрении, а также состоящие под судом и следствием и заведомо развратного поведения. Притом волостной старшина, очередные судьи, сельский староста и сборщик податей выбираются преимущественно из домохозяев»²¹.

Порядок выбора судей был следующий: ежегодно сходом избирались от 4 до 12 очередных судей из кандидатов от каждого сельского общества. Из них на суде должно было присутствовать не менее трех человек. Так, например, Н. М. Астырев пишет: «у нас издавна ведется, чтобы все судьи разбивались на три очереди, по четыре человека в каждой, причем каждая очередь обязана “отходить” по четыре месяца; первая очередь с января по апрель включительно, вторая – с мая по август, третья – с сентября по декабрь»²². Как правило, судьи избирались бессменно или же сходом определялась очередность исполнения обязанностей. Таким образом, судьями становились исключительно лица из крестьянской среды. При избрании и утверждении в должности священник приводил их к присяге в присутствии земского начальника²³.

Согласно свидетельству Д. Бобылева, социальный состав писарей и их помощников был практически однородным: 77,9 % писарей и 84 % помощников принадлежало к крестьянству, 15,9 % писарей и 8,3 % помощников — к мещанам, и только 2,92 % писарей и 4,75 % их помощников — к дворянству и духовенству²⁴. Подобную ситуацию подтверждает и И. Скалзубов. Из 15 писарей Красноуфимского уезда было 11 крестьян, двое мещан, один запасный старший военный писарь и один «необозначивший своего сословия»²⁵.

Таким образом, писарями преимущественно становились также выходцы из крестьян. Само население было заинтересовано в назначении на должность выходцев из своей среды. Возникает вопрос относительно лиц некрестьянского происхождения: по каким причинам они искали работу в сельской местности, а не в городе? Понять это явление помогают мемуары Н. М. Астырева, который был «незаконным генеральским сыном» и проработал 3 года в должности волостного писаря в Воронежской губернии. Автор оставил институт инженеров путей сообщения, т. к. «...хотелось живого дела, хотелось общения с живыми людьми, хотелось доказать самому себе свою пригодность на служение истинным общественным нуждам <...>. К сожалению, выбор... был невелик: учительство и писарство <...> ... я решил искать место волостного писаря, как представлявшее, по моему мнению, большой простор для деятельности»²⁶.

В крестьянской общине традиционно все общественные должности занимали мужчины²⁷. Однако ряд исследователей отмечают, что после

отмены крепостного права массовым явлением становится так называемая «демократизация» крестьянского самоуправления. Это проявлялось прежде всего в участии в сходах наравне с домохозяевами молодежи и женщин²⁸. Вполне возможно, причина повышения роли женщин кроется в увеличении количества новых членов общины, в постепенном измельчении наделов и, как следствие, в распространении отходничества, что вызывало отток мужского населения из деревни. Однако не следует забывать о вдовах и солдатах, которые также присутствовали на сходе в качестве глав хозяйств, представляли интересы своих детей в отсутствие мужа. В рассматриваемый период «можно встретить и чрезвычайно любопытное явление: женщин в должности [сельских] писарей»²⁹. Вполне возможно, имели место подобные случаи и в Пермской губернии, но каких-либо данных, подтверждающих этот факт, найти не удалось.

В статье 114 Общего положения о крестьянах указывалось, что волостные судьи не могли быть младше 25 лет. В Руководстве по волостному суду оговаривалось следующее: «Выбирать нужно имеющих не менее 35 лет от роду и, насколько возможно, грамотных. Не могут быть волостными судьями люди опороченные по суду или такие, которые, по самым своим занятиям, не всегда пользуются уважением. <...> Не могут быть волостными судьями те, кто уже занимают другие должности по волостному и сельскому управлению...»³⁰ Более подробной информации о возрастном составе судей найти не удалось.

Возраст волостных писарей в законодательных и нормативных документах не оговаривался. Но, учитывая, что до 14 лет в крестьянской среде человек считался несовершеннолетним, можно предположить, что возрастная граница не должна была опускаться ниже этого уровня, что косвенно подтверждают свидетельства Н. М. Астырева, который писал: «Еще слышал я, что в Богородском уезде девочка лет четырнадцати, дочь неграмотного старосты, служит обществу за [сельского] писаря, и очень исправно»³¹.

И. Скалозубов в статистическом очерке «Волостные писари Красноуфимского уезда» распределял писарей по возрасту на три группы: от 20 до 26 лет (6 человек); от 30 до 39 лет (5 человек); от 43 до 49 лет (3 человека)³². По данным, собранным Д. Бобылевым, более половины писарей Пермской губернии по возрасту в среднем от 25 до 40 лет, а более половины помощников – от 15 до 25 лет. В свою очередь, исследователь отмечает, что наиболее значительными являются следующие группы: от 25 до 30, от 30 до 35 и от 35 до 40 лет, которые составляют 62,4 % общего числа волостных писарей Пермской губернии в начале XX в.

Нередко, чтобы стать писарем, нужно было пройти определенную подготовку. Поступая в возрасте 12—15 лет на службу к писарю, помощники через 5—8 лет набирали достаточно знаний³³. Однако существовала

так называемая категория «вечных помощников» в возрасте старше 50 лет, которые по каким-то причинам не могли самостоятельно вести дела. Всего их насчитывалось около 38 человек в Пермской губернии в начале XX в.³⁴ Причины подобного явления могли быть самыми разными: слабое здоровье, физические недостатки, пристрастие к спиртному, нежелание вести самостоятельно дела или занимать должность в силу негативного отношения к ней крестьян и начальства и др.

Не менее интересны также сведения об образовании. Ряд исследователей единодушно склоняются к мнению, что волостные судьи зачастую не имели образования. Так, например, И. Скалзубов ссылается на сведения, полученные им от волостных писарей. «Так как судьи неграмотны, пишет г. Кузнецов, то по волостному суду как решения, так и копии с них и прочее исполняет волостной писарь. <...> [В Михайловской волости]... в прошлом году волостные судьи были неграмотные, следовательно, все письмоводство лежало на волостном писаре. В настоящем году благодаря избранию общества один из волостных судей грамотный и по большей части письмоводством занимается сам»³⁵. Б. Г. Литвак также отмечает, что, «как правило, судьями были неграмотные крестьяне»³⁶.

Следует отметить, что во второй части Руководства для волостных судов была таблица, в которой проступки делились по отделам (например, проступки против властей, народного здоровья, личной безопасности и др.) и к каждой группе давались номера статей из Временных правил или Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями³⁷. Наличие такого «пособия», безусловно, во многом облегчало выполнение функций волостным судьей, т. к. можно было не знать номер статьи, название нормативного акта, виды возможных наказаний за определенные виды проступков. Таким образом, для занятия должности судьи необходимо было по крайней мере уметь читать или выбрать либо грамотного председателя, либо писаря.

По свидетельству Д. Бобылева, уровень образования писарей также был невысоким: в восьми уездах большинство из них закончили только народные и приходские школы. Вместе с тем в трех уездах — Ирбитском, Чердынском, Шадринском — больше половины должностных лиц прошли обучение в уездных, городских, духовных училищах, земледельческих и других специальных школах, учительских семинариях. Как отмечает Д. Бобылев, во всей губернии был в начале XX в. только один (!) писарь, получивший образование в лесном институте³⁸.

Не менее сложным остается вопрос о семейном положении изучаемых должностных лиц. В 1830 г. был повышен возраст для вступления в брак для мужчин до 18 лет, а для женщин до 16 лет³⁹. Б. Н. Миронов отмечает, что с 18 лет каждый мужчина имел право на получения участка земли в общине, который увеличивался вдвое после женитьбы⁴⁰. Если

проанализировать сведения о судейском (от 25, а позднее от 35 лет) и писарском (преобладали лица от 20—25 лет и выше) возрасте, то скорее всего эти «посты» занимали люди семейные. Так, например, в начале XX в. из 480 волостных писарей Пермской губернии 87,5 % имели семьи⁴¹.

Жалование судей и писарей не было установлено в законодательном порядке. Оклады всех должностных лиц назначало волостное общество, а точнее, волостной сход. По расчетам статистиков в конце XIX в. средний заработок волостного старшины равнялся 204 руб. в год. Жалование же волостного старшины в уральских губерниях было намного ниже: Вятская — 130 руб., Оренбургская — 162 руб., Пермская — 154 руб., Уфимская — 145 руб.; а в самой Пермской губернии было различным⁴². Например, в 1870-е гг. старшина в Белоярской волости Шадринского уезда получал 81 руб. 50 коп. в год, а в Красномыльской волости того же уезда — 64 руб. 56 коп. В Знаменской волости Ирбитского уезда в 1895 г. жалование должностных лиц выглядело следующим образом: старшина — 150 руб.; заседатель, смотритель, сборщик податей — 100 руб.; волостной судья, сторож, сотский, попечитель училища — 50 руб. Согласно «Статистике Российской империи» средний «гонорар» волостных судей по России составлял 47 рублей⁴³.

В конце 1880-х — начале 1890-х гг. в Руководстве для волостных судов подчеркивалось, что «количество этого [волостного судьи] жалования назначается уездным съездом с утверждения губернского присутствия; оно не должно быть больше 100 руб. в год председателю волостного суда и 60 руб. волостному судье. Если же председателем волостного суда состоит волостной старшина, то он не получает за это особого жалования»⁴⁴.

Среднее писарское жалование по Пермской губернии составляло 460 руб. в год. Однако по отдельно взятым уездам эта цифра (в рублях) могла быть разной: Екатеринбургский — 388, Красноуфимский — 395, Соликамский — 400, Чердынский и Камышловский — 525, Кунгурский — 536, Шадринский — 575⁴⁵. На первый взгляд подобные выплаты кажутся слишком большими, но, чтобы понять, из чего складывалось жалование этого должностного лица, обратимся к отзывам самих писарей, собранным Д. Бобылевым. «В здешней [Сайнской] волости очень скудное вознаграждение — 52 р. 50 к. в месяц, из коих расходуется на наем помещения 12—15 р. в месяц, на канцелярские припасы, отопление и освещение волости по 5р. 50 к. в месяц, остается писарю месячное жалование — 32 р.». В Пермском уезде: «писарь получает ежемесячно по 4 р. на наем квартиры для волости и отопление; следовательно, остается — 29 р. 34 к. Помощника не имею, так как платить ему из своего жалования нечего, а крестьяне на его наем средств не ассигнуют»⁴⁶.

Помощники в среднем по губернии получали жалованье в размере 160 рублей. По уездам эта сумма также варьировалась: Кунгурский — 131, Соликамский — 133, Камышловский — 180, Верхотурский — 198. Большинство получало жалованье в пределах 120—240 рублей⁴⁷.

Если сопоставить жалованья волостных писарей и их помощников с уровнем полученного ими образования, то заметна определенная закономерность: чем выше образование у писарей в уезде, тем больше у него жалованье. Например, в четырех уездах Пермской губернии — Ирбитском, Соликамском, Чердынском и Шадринском — основная масса писарей окончила уездные, городские, духовные училища, земледельческие школы и т. д. Именно в этих уездах зарплата писарей была от 400 рублей и выше.

Сведения о «гонораре» писарей подтверждаются данными И. Скалозубова. Так, в начале 90-х гг. XIX в., например, в Агафоновской волости жалованье писаря равнялось 20 руб. в месяц, при этом на него налагались расходы на канцелярские принадлежности, освещение и отопление волостного правления, на что тратилось по 3 руб. в месяц; в Саранинской волости при таком же вознаграждении за труд писарь не нес каких-либо дополнительных расходов, кроме жалованья помощнику в размере 2 рублей. Самый высокий оклад в Красноуфимском уезде в начале 90-х гг. XIX в. был в Ювинской волости, где писарь получал 50 руб. и содержал за свой счет двух помощников. Таким образом, среднее жалованье рассматриваемого должностного лица составляло около 31 руб. в месяц (или 369 руб. в год) по Красноуфимскому уезду⁴⁸.

Общее положение о крестьянах предусматривало льготы для выборных должностных лиц: «на время... службы увольняются лично от всяких натуральных повинностей, которые за них принимает на себя общество... волостной старшина, его помощники, сельские старосты, заседатели волостного правления, судьи волостного суда, сборщики податей и смотрители хлебных магазинов на время службы освобождаются от телесного наказания... волостной старшина... освобождается с семейством от рекрутской повинности... беспорочно отслуживший два трехлетия освобождается лично навсегда от исполнения рекрутской повинности, а по истечении трех трехлетий беспорочной службы льгота сия распространяется по его выбору на одного из его сыновей, или родственников, или воспитанников»⁴⁹. Никаких льгот для волостных писарей не было установлено в законодательном порядке. Им лишь могла предоставляться «общественная квартира». Средняя плата за нее в Пермской губернии составляла от 12 до 120 руб. в год⁵⁰. Однако не в каждой волости были наемные квартиры либо их редко арендовали⁵¹.

Принято считать, что волостной писарь — это человек, который вел все делопроизводство в волостном правлении. Насколько данное пред-

ставление соответствует реальности, можно узнать, обратившись к изучению обязанностей писаря, объему работы и временных затрат, помимо участия его в волостном суде.

В Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, упоминаются некоторые книги, которые должен был вести писарь: «Приговоры [волостного схода] записываются в книгу по делам особой важности и тогда, когда приговор должен действовать на долгое время, а также в том случае, когда сего требует сход»; «в заведенную при волостном правлении книгу приказов вписываются: 1) приказания, объявленные старшиною правлению или отдельным должностным лицам, принадлежащим к составу правления, если таковой записки в книгу требует сам старшина или лицо, получившее приказание, и 2) решения, принятые правлением единогласно или по большинству голосов»; «... ведутся: 1) книга приговоров волостного схода, 2) книга решений волостных и третейских судов и 3) книга сделок и договоров <...> выдаваемые с них засвидетельствованные копии»⁵².

На первый взгляд отправление этой должности не должно было вызывать каких-либо особых трудностей: небольшой объем работы (ведение только четырех книг, выдача копий и присутствие на сходах и судах), сравнительно большая заработная плата. Однако заставляют иначе взглянуть на эту должность воспоминания Н. М. Астырева: «...с укором я глядел на 90 и 91 ст. Общего Положения, в которых говорится о четырех книгах, имеющих быть в волостном правлении, и сравнивал эту ничтожную цифру с теми 38 книгами, которые влились в наше правление, и в числе коих одних денежных было шесть!»⁵³.

Кроме того, представление о функциях писарей на волостном уровне крестьянского самоуправления рассматриваемого периода дает перечень, который был получен из одной заводской волости Приуралья, согласно которому волостной писарь имел достаточно широкие обязанности. Он должен был вести 72 книги и доставлять более 70 различных сведений, принимать распечатывать, прочитывать и записывать во входящий более 2 тыс. «поступающих бумаг, написать и выписать по исходящему 2 500—3 000 бумаг, отправляемых из волости; написать до 200 квитанций, 200 корешков их, 200 приходных статей и 200 расходных статей по каждой из 4 денежных книг; написать до тысячи квитанций в принятии заказной, денежной и посылочной корреспонденции, от каждой квитанции 2 талона <...>. Написать в год до 400 решений волостного суда. <...>... 150—200 свидетельств на продажу скота; 100—150 постановлений старшины и старост об аресте крестьян за проступки; 40—50 приговоров волостных и сельских сходов листа в 3—4; написать на отдельной бумаге и записать в книгу сделок и договоров 90—120 условий; 50—60... расписок в принятии жалоб на решения суда; без счету писать удостоверения о личности и

доверенности на почтовых повестках; написать в год 1 500—2 000 видов на жительство, записать их в паспортный реестр и в алфавит к этому реестру. Доставлять сведения о посеве и урожае все лето и по разным формам. Составлять призывные и ополченские списки, отрезки об отлучках и возвращениях запасных солдат. Вести учеты запасным и отставным воинским нижним чинам... доставлять сведения местным и иногубернским должностным лицам <...>. Объявление и вручение повесток народу. Писарь доставляет годовые отчеты по статистике и для включения во всеподданейший отчет: уездной земской управе, местному становому приставу, местному земскому начальнику, податному инспектору, уездному казначейству, казенной палате, уездному воинскому начальнику...»⁵⁴.

И. Скалозубов подсчитал, сколько примерно книг велось в волостных правлениях Красноуфимского уезде в начале 90-х гг. XIX в., а также количество исписанных листов. Согласно его расчетам, это 11 денежных и 35 делопроизводственных книг; «...в общей сложности в течение года по всем волостям заполнено в 308 обязательных книгах 13 874 листа»⁵⁵. Вполне возможно, эти цифры соответствуют действительности, но не следует забывать, что исследование автора не охватывало всего уезда. В среднем в 14 волостях Красноуфимского уезда в конце XIX в. велось от 13 до 59 книг⁵⁶. О большом объеме работы в волостном правлении свидетельствует и Н. М. Астырев⁵⁷.

Обратимся к материалам, относящимся к продолжительности рабочего времени. Сами писари отзываются следующим образом: «Заниматься приходится от 12 до 16 часов в сутки, а чаще всего случается, что ежедневно бывает занятых по 15—16 часов», «приходится работать по 8—12 часов в сутки, не исключая и больших праздников». При всех условиях, перечисленных выше, отнюдь не случайна так называемая текучесть кадров. Средняя продолжительность писарской службы в Пермской губернии в одной волости без перерыва равнялась 4,6 года, такой же срок был характерен и для службы помощников⁵⁸. В Красноуфимском уезде продолжительность занятий в канцелярии составляла в среднем 13 часов в день, некоторые корреспонденты работали и в праздничные дни, кроме Пасхи, Рождества и «царских» дней⁵⁹.

Возникают два вопроса в этой связи: как же можно было справиться с таким объемом работы? Насколько правильные сведения получали вышестоящие учреждения и должностные лица? Один из вариантов ответа дает Ф. А. Преображенский, утверждающий, что писари зачастую из-за отсутствия инструкций со стороны крестьянских учреждений не ведут многие книги⁶⁰. Кроме того, ответы на поставленные выше вопросы дает А. Теплоухов, который еще в первой половине XIX в. писал: «Статистические сведения о посевах у крестьян хлеба, урожаях, числе скота и прочих предметах экономии крестьянской, собираемые по распоряжению

правительства, редко бывают верны, даже приблизительно». Исследователь считает, что это связано с несколькими факторами: «нежелание крестьян выказать свое настоящее имущество по разным причинам... от неумения их выразить употребительными мерами количество и число припасов, коих они к тому же сами почти никогда не меряют, почитая это некоторым образом за грех...»⁶¹. Автор отмечает, что за короткий срок приказчик в то время не успевал собрать необходимые сведения, а писарь, в свою очередь, исправлял их так, «чтобы не было больших несообразностей. <...> И эти сведения, переходя с одной бумаги на другую, через целый ряд канцелярий, попадают в наши печатные статистические таблицы и служат материалом для политико-экономических выводов о производительных силах государства Российского»⁶². О подобной же ситуации в Пермской губернии в конце XIX — начале XX в. пишет и волостной писарь Ирбитского уезда К. С. Рахилевич⁶³.

Обратимся к сведениям, которые касаются временных затрат участников судопроизводства. К сожалению, информации об этом крайне мало, только в работе И. Скалозубова. Количество дней в год, посвященных суду, в Красноуфимском уезде было различным. Меньше всего отводилось в Енапаевской волости — 20 дней, а в Нижнесергинской — 156. В среднем по уезду суд занимал 60 дней в году в начале 1890-х гг.⁶⁴ Число поступивших дел варьировалось: от 14 (в Киргишанской волости) до 400 (в Артинской); в среднем до 138 дел на одну волость. Однако оставались нерешенными некоторые иски: например, в Ювинской волости из 320 было рассмотрено только 106⁶⁵.

О загруженности волостных судов говорят и статистические сборники «Обзоры Пермской губернии» за 1909 – 1910, 1913 – 1914 гг., в которых содержатся сведения о деятельности крестьянских учреждений, общественном благоустройстве и благочинии, народной нравственности. В 1909 г. в волостных судах губернии неразрешенными осталось до 14 % дел, в 1908 г. этот показатель равнялся 25 %⁶⁶. Наличие значительной доли нерешенных дел отражает высокую загруженность этой инстанции и одновременно выступает показателем эффективности ее работы.

Для того чтобы понять, как воспринимались рассматриваемые должностные лица их начальством и самими крестьянами, необходимо вспомнить о переменах, происходивших в этот период в рамках самой общины.

Во второй половине XIX — начале XX в. в крестьянской общине произошел ряд изменений: наблюдается распад больших патриархальных семей, омолаживается состав схода, прекращаются коренные переделы, усиливается расслоение внутри «мира», теряет авторитет так называемый «совет стариков». Все это, безусловно, оказывало влияние на состав должностных лиц крестьянского самоуправления.

А. М. Анфимов и П. Н. Зырянов отмечали, что «не везде развитие крестьянского мира шло по пути демократизации. Иногда в его составе выделялся “совет стариков” — своеобразный президиум сельского схода, подготавливавший и осуществлявший его решение. <...> [В нем] стала группироваться зажиточная часть крестьянства»⁶⁷.

В конце XIX — начале XX в. большее значение при выборе на общественную службу в деревне приобретает грамотность. Как правило, должности занимали люди из зажиточных больших семей. Выполнение обязанностей часто отрывало человека от ведения хозяйства, и подобное обстоятельство наносило сильный удар по семье («...занимаются мирскими делами либо старики от больших семей, либо побогаче кто...»⁶⁸). В целом в рассматриваемый период крестьянство, как и прежде, не с особым желанием шло на общественную службу, боясь отрыва от ведения своего хозяйства. В Общем положении о крестьянах предусматривалась статья, по которой выборный не мог отказаться от должности, за исключением ряда случаев: «1) если ему более шестидесяти лет, 2) если он уже прослужил по выбору полный срок и 3) если он одержим сильными телесными недугами. Сверх сего сход может увольнять избранного и по другим причинам, кои признает уважительными»⁶⁹.

Отношение крестьян к волостным судьям наиболее точно изображает Н. М. Астырев, описывая их выборы, внешний облик и поведение на заседании суда. «Смету уже составили, жалование всем назначили, при чем выторговали с волостных ямщиков ведро, со сторожа и с десятского... по четверти, да от старшины, — коли его милость будет, — ожидается полуведерко. Таким образом, в перспективе имеется два ведра водки, т. е. по полтора шкалика на человека, потому что собравшихся всего около ста сорока душ. Понятно, что все горят нетерпением приступить к даровому угощению и поэтому с явным неудовольствием выслушивают мое предложение избрать из своей среды двенадцать человек на должность волостных судей»⁷⁰. Николай Михайлович приводит описание лишь четырех судей из двенадцати, тем не менее даже эта «четверка» дает представление о том, кто выносил решения волостного суда: один из них был типичным представителем старшего поколения, другой — выходцем из середняков, а остальные — горлопан и ямщик⁷¹. В то же время «волостные судьи — те же мужики; они не имеют даже какого-нибудь внешнего знака, который бы отличал от массы <...> ... поэтому они вполне солидарны с массой в взглядах...»⁷².

В Руководстве для волостных судов подчеркивалось, что судьи «состоят на Царской общественной службе, принимают на верность ей особую... присягу... носят на груди особый должностной знак»⁷³. Кроме того, неоднократно оговаривалось, что сельские жители должны с уважением относиться как к судьям, так и к волостному суду⁷⁴.

В отличие от них, волостной писарь «в глазах начальства всякого сорта – это пария, это раб, без мысли и воли, беспрекословно обязанный выполнять всякие требования, быть на все руки и, по начальническому приказу, не останавливаться даже перед не совсем благовидными вещами; в глазах мужиков – это тонкая бестия, законник, крючкотвор, которым, в случае своей нужды, можно и попользоваться, но вообще же лучше быть от него подальше, как от души продажной, за рубль-целковый на все готовой»⁷⁵.

Н. М. Астырев вспоминает аналогичное отношение со стороны начальства. При назначении его на должность писаря предводитель уездного дворянства произнес следующие слова: «Вы будете получать рублей 30 жалования, — не больше; вы должны будете вести знакомство со всякой дрянью — со старшинами, писарями, и кабатчиками; я, да и все прочие... начальники при встрече с вами руки вам не будем подавать, и вы должны стоять при моем присутствии <...>. Словом, вы совершенно выйдете из... интеллигентской сферы...»⁷⁶.

Во второй половине XIX — начале XX в. большинство волостных старшин были неграмотными. По данным И. Скалзубова, полученным от 15 корреспондентов, половина старшин совсем не имела образования (7 чел.), пятеро — малограмотны и трое грамотных, но ни один из них не принимал участия в канцелярской работе⁷⁷. Так, например, волостной писарь Тарасов отмечает, что «вол. писарю часто приходится нравственно отвечать за всех должностных лиц: старшину, заседателя, старост и судей. Все они при своей неграмотности, если подвергаются выговорам или штрафам за какие-либо незаконные распоряжения, обыкновенно оправдываются: “мы неграмотные, а писарь вот не объяснил, не остановил”»⁷⁸.

Подобная оценка деятельности писарей неудивительна. Дело в том, что еще в конце XVIII в. они пользовались в народе дурной репутацией, зачастую эти должностные лица становились виновниками народных выступлений. В 1853 г. император предписал «нерадивых и дурного поведения волостных и сельских писарей», получивших образование на деньги крестьянских обществ, сдавать на военную службу⁷⁹.

Таким образом, при анализе социального происхождения, пола, возраста, образования, семейного положения и других аспектов можно найти много общего между писарями и судьями. Так, например, это были преимущественно выходцы из крестьянской среды мужского пола в возрасте от 20—35 лет, с невысоким уровнем образования, полученным в народных или приходских школах. В отличие от писарей, судьи могли не иметь образования вовсе.

Следует отметить, что если первоначально изучаемые должностные лица выбирались, то со временем, ближе к концу XIX в., они уже стали

назначаться земскими начальниками. Жалованье всех крестьян, занимающих общественные должности, не было установлено в законодательном порядке, волостное общество само определяло его размер. При сравнении заработных плат получается, что самое большое вознаграждение за труд полагалось не старшине, а волостному писарю. Скорее всего, это было связано с несколькими факторами. Занятие писарством занимало основное время у данных должностных лиц, они часто несли дополнительные расходы на съем квартиры, содержание волостного правления (освещение, отопление, канцелярские принадлежности). Так как в большинстве своем писари имели семьи, то часть денег тратилась на продукты и одежду, обучение детей и другие расходы на ведение собственного хозяйства, от которого писари были в большей степени оторваны, чем судьи и старшины. Кроме того, одним из главных отличий изучаемых должностных лиц был их статус: судьями становились домохозяева, т. е. крестьяне из одной волости, в то время как писари — это наемные работники, которые могли приглашаться со стороны.

При анализе сведений, касающихся как судей, так и писарей, следует заметить, что исследователи, как правило, преимущественно изучали вторых. Связано это может быть с тем, что судьи менялись чаще — их избирали по 12 человек сроком на один год. Изучить положение писарей было гораздо проще: они часто принимали участие во всевозможных опросах. Так, например, статистические очерки Д. Бобылева и И. Скалзубова основаны на сведениях, полученных от волостных писарей. Грамотные писари могли сами посылать в периодическую печать свои предложения об улучшении крестьянской жизни — открытии библиотек, создании специальной школы для подготовки волостных писарей и т. п.⁸⁰, являясь своеобразным связующим звеном между общиной и внешним миром.

В крестьянской среде существовали «мироеды», это были либо старики, либо кулаки или же подкупленные ими общинники, которые принимали активное участие в работе сходов и судов. Нередко они старались склонить большинство к принятию выгодного для себя решения. Мнение «крикунов» оказывало значительное влияние на отношение крестьян к должностным лицам. В большей мере от этого страдали волостные писари, на которых лежало все делопроизводство в волости. Они должны были присутствовать на всех заседаниях органов крестьянского самоуправления, доставлять разнообразные сведения в различные учреждения, работать без выходных и праздников иногда до 16 часов в день, а также выполняли часть функций неграмотных волостных старшин. Кроме того, волостные писари являлись секретарями волостного суда. В отличие от них судья исполнял свои обязанности только во время заседания суда. Поскольку объем работы писаря был очень велик, а крестьяне зачастую

судились по пустякам, то волостные суды не всегда успевали рассмотреть все поданные жалобы, что нередко приводило к увеличению нерешенных дел и снижало эффективность работы самого органа крестьянского самоуправления.

Существуют различные точки зрения на то, кто — судья или писарь — играл главную роль в заседании волостного суда.

Одна из них принадлежит Н. М. Астыреву, который утверждал, что «...писарь является как бы председателем независимого суда, законотолкователем, единственным лицом, знающим, что дозволено и что не дозволено суду, и поэтому накладывающим на то или другое решение суда свое *veto*»⁸¹. Этому же мнения придерживаются два писаря Красноуфимского уезда⁸².

Другая точка зрения выдвигается волостным писарем-идеалистом Оханского уезда. «...Я мечтал быть руководителем темных неграмотных людей... искоренить в их среде тяжбы и сутяжничества, рассчитывал, наконец, будучи практически знаком с юриспруденцией, поставить волостной суд на ту высоту, на которой он, по мысли законодателя, должен стоять... но стремления мои не могли всецело осуществиться и во многом пришлось разочароваться»⁸³.

Скорее всего, в зависимости от грамотности судей, авторитета «советов стариков» и других факторов в отдельно взятой волости устанавливалась либо подчиненность писаря судьям, либо наоборот.

¹ См.: например, *Леонтьев А.* Волостной суд и юридические обычаи крестьян. М.: Типография М. Меркушева, 1895; *Алексейченко Г. А.* Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины России во второй половине XIX в. // История СССР. 1981. № 6. С. 116—125; *Зырянов П. Н.* Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 91—101; *Степанов В. Л.* Государственная власть и община во второй половине XIX — начале XX в. // Система государственного феодализма в России: Сб. ст. Вып. 2. М., 1993. С. 369—392; История местного самоуправления на Урале в XVIII — начале XX в.: город, село, деревня / Е. Ю. Алпаримова, С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников, Д. Е. Хохолев. Екатеринбург, 1999; Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX века / Алпаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. М., 2003; и др.

² См.: *Бобылев Д.* Волостные писари Пермской губернии // Сб. Пермского земства. 1905. № 1—2. Отд. 3. Пермь, 1905. С. 1—57; *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда: (Статистический очерк) // Там же. 1894. № 4. С. 1—28.

³ См.: Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX века.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 331, 332, Ф. 203. Оп. 1. Д. 402, 533—549, 553—555, 559—562, 564; Ф. 670. Оп. 1. Д. 32; Ф. 729. Оп. 1. Д. 15, 69, 74, 84, 110, 123, 131, 133, 165, 230, 301, 311.

-
- ⁵ См. об этом: *Астырев Н. М.* В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896; *Беззубов М.* О грамотности в народе: (Сообщение из Знаменской вол. Ирбитского уезда) // Сб. Пермского земства. 1900. № 3. Отд. 3. С. 28–29; *Рахилевич К. С.* По вопросу о содействии сельской интеллигенции в земских мероприятиях: (Сообщение из Ирбитского уезда) // Там же. С. 30–33.
- ⁶ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы 1861 г. М., 1989. С. 40–77.
- ⁷ Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники. Издание 4-е, исправленное и дополненное. СПб., 1892.
- ⁸ Там же С. 4.
- ⁹ См.: Общее положение о крестьянах... С. 57; Руководство для волостных судов... С. 23.
- ¹⁰ См.: Общее положение о крестьянах... С. 57–58.
- ¹¹ См.: Руководство для волостных судов... С. 13–14.
- ¹² См.: Там же. С. 16.
- ¹³ См.: Общее положение о крестьянах... С. 60–61.
- ¹⁴ См.: ГАСО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 331. Л. 9–10.
- ¹⁵ См.: Там же. Л. 4–5.
- ¹⁶ См.: *Анфимов А. М., Зырянов П. Н.* Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861 – 1914) // История СССР. 1980. № 4. С. 36–37.
- ¹⁷ См.: ГАСО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 331. Л. 28–29 об.
- ¹⁸ См.: Общее положение о крестьянах... С. 59.
- ¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 536. Л. 29.
- ²⁰ Общее положение о крестьянах... С. 60.
- ²¹ Там же.
- ²² *Астырев Н. М.* В волостных писарях... С. 197.
- ²³ См.: Руководство для волостных судов... С. 7–8.
- ²⁴ См.: *Бобылев Д.* Волостные писари Пермской губернии... С. 4–5.
- ²⁵ *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда... С. 3.
- ²⁶ *Астырев Н. М.* В волостных писарях ... С. V, 1–2.
- ²⁷ См. подробнее: *Бобылев Д.* Волостные писари Пермской губернии... С. 16, 17, 20, 22, 23, 38–41, 43, 44, 50, 55, 56; *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда... С. 1–2; Доклады Губернской управы XI очередному Губернскому земскому собранию: По заявлениям разных лиц // Сб. Пермского земства. 1881. № 1. Отд. 2. С. 172–173.
- ²⁸ См., например: *Алексейченко Г. А.* Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины России во второй половине XIX в. С. 120; *Анфимов А. Н., Зырянов П. Н.* Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный

- период. С. 33; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.): В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 477.
- ²⁹ *Астырев Н. М.* В волостных писарях... С. 182.
- ³⁰ Руководство для волостных судов... С. 5—6.
- ³¹ *Астырев Н. М.* В Волостных писарях... С. 183.
- ³² См.: *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда... С. 3.
- ³³ См.: *Бобылев Д.* Волостные писари Пермской губернии... С. 8—9.
- ³⁴ См.: Там же.
- ³⁵ *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда... С. 23.
- ³⁶ *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 263.
- ³⁷ См.: Руководство для волостных судов... С. 65—124.
- ³⁸ *Бобылев Д.* Волостные писари Пермской губернии... С. 6.
- ³⁹ См.: *Миненко Н. А.* Право и обычай в крестьянской семье (Урал и Сибирь в 18 — 19 вв.). Челябинск, 1998. С. 14.
- ⁴⁰ См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 436.
- ⁴¹ См.: *Бобылев Д.* Волостные писари... С. 11.
- ⁴² Сельское и городское самоуправление на Урале... С. 92—95.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Руководство для волостных судов... С. 7.
- ⁴⁵ *Бобылев Д.* Волостные писари... С. 9—11.
- ⁴⁶ Там же. С. 38—40.
- ⁴⁷ См.: Там же.
- ⁴⁸ См.: *Скалозубов И.* Указ. соч. 6—7.
- ⁴⁹ Общее положение о крестьянах... С. 62.
- ⁵⁰ См.: *Бобылев Д.* Волостные писари... С. 11, 38.
- ⁵¹ См. подробнее: *Бобылев Д.* Волостные писари... С. 11, *Скалозубов И.* Указ. соч. С. 6—7.
- ⁵² Общее положение о крестьянах... С. 53, 56—57.
- ⁵³ *Астырев Н. М.* В волостных писарях... С. 28—29.
- ⁵⁴ *Бобылев Д.* Волостные писари... С. 29—34.
- ⁵⁵ *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда... С. 10—13.
- ⁵⁶ См.: *Скалозубов И.* Указ. соч. С. 14.
- ⁵⁷ См.: *Астырев Н. М.* В волостных писарях... С. 136—137.

-
- ⁵⁸ См.: *Бобылев Д.* Волостные писари... С. 11—14, 34—36.
- ⁵⁹ См.: *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда... С. 26.
- ⁶⁰ См.: *Преображенский Ф. А.* Указ. соч. С. 24—25.
- ⁶¹ *Теплоухов А.* Примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении // Пермский сборник. М.: В типографии Грачева и Комп., 1860. Кн. 2. С. 18, 19—20.
- ⁶² *Теплоухов А.* Примеры исследования быта С. 18, 19—20.
- ⁶³ См.: *Рахилевич К. С.* По вопросу о содействии сельской интеллигенции в земских мероприятиях... С. 32.
- ⁶⁴ См. об этом: *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда... С. 24.
- ⁶⁵ См.: Там же.
- ⁶⁶ См.: Деятельность крестьянских учреждений в 1909 году // Обзор Пермской губернии за 1909 год. Пермь, 1910. С. 118.
- ⁶⁷ *Анфимов А. Н., Зырянов П. Н.* Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины... С. 34.
- ⁶⁸ *Астырев Н. М.* Указ. соч. С. 125.
- ⁶⁹ Общее положение о крестьянах... С. 61.
- ⁷⁰ *Астырев Н. М.* В волостных писарях. С. 191—192.
- ⁷¹ См.: Там же. С. 189—191.
- ⁷² *Астырев Н. М.* В волостных писарях. С. 243.
- ⁷³ Руководство для волостных судов... С. 2—3.
- ⁷⁴ См.: Там же.
- ⁷⁵ *Астырев Н. М.* В волостных писарях. С. 134.
- ⁷⁶ Там же. С. 8—9.
- ⁷⁷ См.: *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда... С. 9.
- ⁷⁸ *Бобылев Д.* Волостные писари Пермской губернии... С. 27—28.
- ⁷⁹ Сельское и городское самоуправление на Урале. С. 39, 40, 41.
- ⁸⁰ *Беззубов М.* О грамотности в народ... С. 28—29; *Рахилевич К. С.* По вопросу о содействии сельской интеллигенции в земских мероприятиях. С. 30—33.
- ⁸¹ *Астырев Н. М.* В волостных писарях... С. 224—225.
- ⁸² См.: *Скалозубов И.* Волостные писари Красноуфимского уезда... С. 23.
- ⁸³ *Бобылев Д.* Волостные писари Пермской губернии... С. 17.